

Цецен Балакаев

МИНОНОСЦЫ ВЫХОДЯТ В ОКЕАН

**Героическая драма для ТЮЗов
по мотивам миниатюры
Валентина Пикуля**

Посвящается морякам Северного флота

Цецен Балакаев

**Миноносцы выходят в
океан. Пьеса для ТЮЗов**

«Автор»

2026

Балакаев Ц. А.

Миноносцы выходят в океан. Пьеса для ТЮЗов /
Ц. А. Балакаев — «Автор», 2026

Героическая драма по мотивам миниатюры Валентина Пикуля
Посвящается морякам Северного флота. Тем, кто вернулся. И тем, кто остался в холодной воде, но согрел нас через десятилетия. «А знаешь, Сашка, что такое счастье? Это когда после шторма, с мороза, в баню. Деревянную. С берёзовым веником. А потом – брусника. И чтобы все, кто был в океане, сидели рядом. И улыбались. И не верили, что смерть – это конец. Потому что если ты вышел в океан – смерти нет. Есть только переход на другую вахту». Свет гаснет медленно. Остаётся только звук воды. И далёкий колокол – рында...

© Балакаев Ц. А., 2026

© Автор, 2026

Цецен Балакаев

МИНОНОСЦЫ ВЫХОДЯТ В океан. Пьеса для ТЮЗов

Цецен Балакаев

МИНОНОСЦЫ ВЫХОДЯТ В ОКЕАН

Героическая драма по мотивам миниатюры Валентина Пикуля

Посвящается морякам Северного флота. Тем, кто вернулся. И тем, кто остался в холодной воде, но согрел нас через десятилетия.

ПОЛНЫЙ СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ (все действия, пролог и эпилог)

Колчанов – старший лейтенант, командир «Грозного» (25–27 лет; в эпилоге – адмирал, упоминается)

Гнатюк – боцман, старшина 1-й статьи (45 лет; в эпилоге – глубокий старик)

Белов – мичман, штурман (24 года)

Сенька Железняк – сигнальщик (19 лет; в эпилоге – погиб, его правнук)

Тарасов – матрос, торпедист (20 лет)

Саенко – матрос, старший по торпедному аппарату (около 30 лет)

Ларионов – капитан 2-го ранга, командир соединения (45 лет)

Дежурный офицер – лейтенант (25 лет)

Санитарки – 2 человека (эпизод)

Мальчик Саша (Александр Железняк) – правнук Сеньки, кадет (12 лет)

ПРОЛОГ

«Перед выходом в океан даже старые волки становятся щенками. Только молчат об этом».

Полярный. Военно-морская база. Зимний вечер. Каменная стенка пирса. Рядом – барак казармы. Слышна отдалённая гармонь. Пахнет дымом, соляжкой и варёной капустой.

На авансцене – скамья. На ней сидит ГНАТЮК, чистит сапог. Рядом – СЕНЬКА ЖЕЛЕЗНЯК, мнёт в руках бескозырку. Чуть поодаль – БЕЛОВ с планшетом, что-то записывает, но видно, что не работает – рисует.

За ними, в глубине, на пирсе – КОЛЧАНОВ. Один. Смотрит на воду. Ночь. Лёд в заливе уже встал, но у самого пирса – чёрная полынья.

Время – за несколько часов до выхода «Грозного» в первое действие. Последние минуты на берегу.

ГНАТЮК (*сапогом о сапог, выбивает грязь*):

– Эх, лапоть заплечный. Седьмая пара за год. Флот казённый, а сапоги – сам покупай. Говорят, военный коммунизм. А у меня – военный натурализм: одна портянка на двоих.

СЕНЬКА (*робко*):

– Боцман... а правда, что перед походом нельзя письма писать?

ГНАТЮК:

– Правда, дурик. Потому что если напишешь – будешь к земле тянуться. А в море тянуться нельзя. В море надо лёгким быть. Как мыльный пузырь. Только без мыла.

СЕНЬКА:

– А я мамке написал. Вчера. Не отправил только.

ГНАТЮК (*бросает чистить, смотрит на Сеньку*):

– Отправишь, когда вернёмся. Письмо с похода – это награда. А письмо перед походом – это прощание. Чуешь разницу?

СЕНЬКА (*кивает, комкает бескозырку*).

БЕЛОВ (*не поднимая головы*):

– Боцман, а что вы перед Цусимой делали? Нет, я про деда вашего.

ГНАТЮК:

– А он, сказывали, перед боем на берег пошёл. Купил у китайца краба варёного. Съел. И говорит: «Ничего, – говорит, – умру, но с крабом». Не умер, кстати. А краба помнил до самой смерти. Вот и я думаю – что бы нам такое съесть? Чтоб запомнить?

СЕНЬКА (*оживляется*):

– Мороженое! Я в детстве любил...

ГНАТЮК:

– Мороженое, Сенька, не едят перед океаном. Мороженое едят в раю. А перед океаном едят гречку. Или что дадут. Дали – ешь. Не дали – не ной. Флот – он, брат, не санаторий.

Входит КОЛЧАНОВ с пирса. Подходит к скамье. Молча садится. Долго смотрит на небо.

КОЛЧАНОВ:

– Звёзды сегодня. Как в училище. Помню, в Ленинграде, курсантом, смотрел на Большую Медведицу и думал: «Вот приду в океан – и там она такая же». А она такая же. И такая же далёкая.

ГНАТЮК:

– Звёзды, командир, это самое честное, что есть. Они одинаковы для всех. Для нас, для немцев, для трески океанской. Только треска на них плевать хотела. А моряк – нет. Моряк по звёздам дом находит.

БЕЛОВ:

– Это не точно. По звёздам – только широту. А долготу – по хронометру. И по сердцу.

ГНАТЮК (*усмехается*):

– Учёный. Сердце, мичман, – это самый точный хронометр. Если оно бьётся ровно – ты дома. Если колотится, как бешеное – ты в бою. А если замолчало – ты уже не моряк.

СЕНЬКА:

– Командир... а страшно вам?

Колчанов молчит. Встаёт. Проходит несколько шагов. Возвращается.

КОЛЧАНОВ (*сидясь*):

– Слушай сюда, Железняк. Есть одна байка, которую я никому не рассказывал. Гнатюк, не обижайся. Твои легенды хороши, но моя – простая. Когда я был мичманом, на Балтике, нас послали ставить мины. Ночь, туман, чужие берега. И я стою на мостике, пальцы примёрзли к биноклю. И вдруг я слышу, как кто-то поёт. Тихо. По-русски. Я думал – глюки. А это был старый минёр, дядя Вася. Он пел колыбельную. Своему сыну, который остался в блокадном Ленинграде. Он пел, и мы не взорвались. И мины поставили. С тех пор я понял: страх – это не когда боишься. Страх – когда забываешь, ради кого ты боишься. А если помнишь – уже не страшно. Понял?

СЕНЬКА (*тихо*):

– Понял.

ГНАТЮК (*встаёт, оправляет робу*):

– А теперь – команда слушай! Наш выход через два часа. Кто не спал – пусть спит. Кто молился – пусть домолится. Кто писал письма – порвите их к чертям собачьим. Потом новые напишете, с победой. А сейчас – по кораблям!

Все поднимаются.

КОЛЧАНОВ (*последним встаёт, оглядывает пирс, берег, снег*):

– Господи... (*спохватывается*): Товарищи. Я хочу, чтобы вы запомнили этот берег. Снег, казарма, гармонь за стенкой. Потому что мы вернёмся. И этот же снег покажется нам самым тёплым одеялом на свете.

Звук корабельной рынды – сигнал к сбору. Удары колокола.

ГНАТЮК:

– Слышь, рында? Голос корабля. «Грозный» зовёт. Идёмте, братцы. Океан ждать не будет.

Все уходят в темноту. Остаётся только скамья, пустая.

Свет гаснет.

Тьма.

Взрывная, мощная динамика – звук дизелей, запуск машин.

Свет включается резко – на сцене уже рубка первого действия. Переход без паузы.

ГОЛОС КОЛЧАНОВА (*из темноты, перекрывая шум*):

– Отдать швартовы! Миноносцы... выходят в океан!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

«Там, где вода становится тяжелее железа, а дружба – тяжелее воды».

СЦЕНА 1

Шторм. Северная Атлантика. Баренцево море на границе с Норвежским. Декабрь 1943 года. Ночь. Почти безлунная.

На сцене – фрагмент рубки и примыкающей палубы миноносца «Грозный» (проект 7У). Металлический настил залит водой. Поручни обледенели. Всё ходит ходуном – корабль валит с борта на борт. Волны перекатываются через леера.

Звуки: вой ветра (на грани инфразвука), лязг непривязанных икивов, хлопанье брезента, рёв дизелей, который то нарастает, то проваливается, когда винты выходят из воды.

Свет: холодный, сине-стальной. Прожекторный луч время от времени режет тьму снаряджи, но внутри рубки – лишь тусклая красная подсветка и отсветы приборов.

На вахте:

КОЛЧАНОВ – командир миноносца, старший лейтенант. Планшет пристёгнут к поясу тросом. Говорит сквозь зубы, но без надрыва

БЕЛОВ – штурман, мичман. Держится за стол с картой. Периодически вытирает лицо – то ли брызги, то ли пот

ГНАТЮК – боцман, старшина 1-й статьи. Сидит на рундуке, спокойно курит (для сцены – папиросу без огня, жест). Ему всё равно на качку

СЕНЬКА ЖЕЛЕЗНЯК – сигнальщик, 19 лет. Стоит у иллюминатора (задраен). Легко покачивается, но держится

В глубине сцены – радист за аппаратурой. Иногда шипит эфир.

КОЛЧАНОВ *(не оборачиваясь, в борт):*

– Боцман, сколько нам осталось до точки рандеву?

ГНАТЮК *(затягивается, папироса в кулаке):*

– Ваше благородие, если бы я знал. Штурман свой параллельный мир чертит, а Господь Бог – свой. По моему потопу, до рассвета будем реять, как дерьмо в проруби.

БЕЛОВ *(обиженно, но сдержанно):*

– Курс сто тридцать. Семь узлов. Точка – через четыре часа, если дизеля не лопнут, как юнкерский пояс.

ГНАТЮК:

– Ах, не лопнут. Ты, мичман, лоции учил, а я – жизнь. Слышал байку про «Бешеного Балта»? Не слышал. В девятнадцатом ходил я на эсминце «Гневный». Командир был балтиец, фамилию запомнил, но звали Бешеным. И вот идём мы в шторм, а у него механик докла-

дывает: «Товарищ командир, с правой машины масло побежало, как сопли у призывника». А Бешеный ему: «А на кой мне твоё масло? Мне скорость нужна!» И погнал эсминец в десять баллов полным ходом. В результате – развалили корабль к свиньям. Но пришли вовремя. Потому что в море главное – не масло. Главное – не обделаться.

СЕНЬКА *(не оборачиваясь)*:

– Боцман... а страшно вам?

ГНАТЮК:

– Сенька, дураку страшно всегда. Умному – только иногда. А я в Цусиме не был, но дед мой был. Дед говорил: «Море боится только того, кто его не уважает. А кто уважает – море того бережёт, как гнилая палка приговорённого». Я уважаю.

КОЛЧАНОВ:

– Боцман, кончай философствовать. Проверь крепление торпедных аппаратов. Если их смоем за борт – я тебя лично на руле посажу, на все четыре склянки.

ГНАТЮК *(поднимается не спеша, но уверенно)*:

– Есть. Проверить, чтоб торпеды лежали смирно, как девки на смотринах.

Гнатюк уходит. Шум ветра усиливается. Короткая пауза.

БЕЛОВ *(тихо, почти шёпотом)*:

– Командир... а вернёмся?

КОЛЧАНОВ *(коротко глянул на него)*:

– Ты это брось. Штурман называется. Спроси лучше: «Пойдём ли мы на таран, если торпеды кончатся?» Это правильный вопрос.

БЕЛОВ:

– Пойдём?

КОЛЧАНОВ:

– Нет. Мы миноносец, а не ледокол. Но если надо будет лечь на «Тирпиц» с двумя торпедами и носовым орудием – ляжем. Только сначала споём. Так, Сенька, ты говорил, голос есть?

СЕНЬКА *(неуверенно)*:

– Так точно. В бане пою. «Синенький скромный платочек».

КОЛЧАНОВ:

– В океане, мать твою, «Платочек» не поют. В океане поют... *(задумался)*. А ну, радист!

РАДИСТ *(поворачивается, пальцы в наушниках)*:

– Слушаю, командир.

КОЛЧАНОВ:

– Есть связь с берегом?

РАДИСТ:

– Нет. Глушим «эрбами». Шторм рвёт антенну. Принимаю только аварийные частоты.

КОЛЧАНОВ:

– Передай в эфир, вслепую, кодом: «Грозный» в точке. Жду дальнейших». А если не пройдёт – пусть хоть треска знает, что мы не утопли.

Радист кивает, поворачивается. Включает передатчик. Слышен треск разрядов.

СЦЕНА 2

Камбуз. Тот же миноносец, час спустя. Короткая передышка – волнение немного стихло. Камбуз – крошечное помещение. Всё привинчено к палубе. На холодной плите – ведро с гречневой кашей, уже примёрзшей к краям.

Входят КОЛЧАНОВ и ГНАТЮК. Боцман снимает брезентовые рукавицы, сует их за пазуху.

ГНАТЮК:

– Вот, товарищ командир, кухня-мать. Повара нету – смыло в первой волне. Хорошо бросанец вовремя накиннули. А то лежал бы повар на дне, при нём – разделочная доска и свекла нечищенная.

КОЛЧАНОВ (*берёт ложку, пробует кашу*):

– Холодная. Солёная. Вкус – как подмётка, которой дизель чистили. Но есть можно.

ГНАТЮК:

– Можно. Всё можно, когда желудок к позвоночнику липнет. Я помню, в тридцать девятом на «Молотове» ходили. Так у нас боцман Савоськин – царство ему небесное – он байку травил. Про то, как один мичман крейсер потерял.

КОЛЧАНОВ (*садится на табурет, пристёгиваясь ремнём к стене*):

– Трави, боцман. Сейчас каждая байка – как огонь. Душа стынет быстрее, чем металл.

ГНАТЮК (*усаживается напротив, тоже пристёгивается*):

– Был, значит, мичман Мизинцев. Служил на «Кирове». И вот стоят они в базе, ремонт идёт. Мичман Мизинцев завхозом был. И захотелось ему, чтоб на крейсере всегда гречка была. Горячая, с тушёнкой. А в округе – ни хрена нет, война же. Ну, он и начал менять. Одним взад, другим – вперёд. В итоге обменял ящик консервов на клетку с попугаем, клетку – на пробковые шлемы, а шлемы – на портвейн. Портвейн выпил с артельщиками. И пошёл спать. А ночью крейсер без него вышел на стрельбы. Просыпается мичман – нет крейсера. Стоит на пирсе, клетку держит, а в клетке – ворона. И кричит вдогонку: «Товарищи командиры! А как же гречка?!»

Гнатюк хрипло смеётся, кашляет.

КОЛЧАНОВ (*усмехнулся уголком рта*):

– Гречка, говоришь? А у нас гречка есть?

ГНАТЮК:

– А хрен её знает. Кажется, вся за борт. Вместе с поваром, макаронами и молитвой «Отче наш». Но мы не пропадём. Есть флотский закон: если еды нет – значит, терпи. Если терпеть нельзя – значит, вспоминай дом. Жар сердец, командир. Дом греет. Что вспоминаете?

Пауза. Колчанов долго молчит.

КОЛЧАНОВ:

– Баню. Деревянную. В Вологде, у дяди. Там полки такие – обжигают, а потом паришься берёзовым веником. Выходишь – в сугроб. А потом... чай с брусникой. Самовар шипит, как миноносец на малом ходу. *(Жёстко)* Всё. Хватит ностальгии. Замылишь душу – заледенеешь. Ты, Гнатюк, эту лавочку прикрой.

ГНАТЮК:

– Есть прикрыть. Только я одно скажу, без разрешения. Есть старый боцманский заговор. Если замёрз – вспомни, как в детстве у мамки под боком лежал. Если страшно – вспомни, как босиком по росе бегал. Если смерть рядом – дыши. И всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.